МЕЧ И ВСАДНИК ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ: КОМПЛЕКС ПОГРЕБЕНИЯ 11 ДУБРОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В ЮЖНОЙ УДМУРТИИ

В.А. Бернц, Е.М. Черных, Л.И. Липина

A SWORD AND RIDER OF THE GREAT MIGRATION: COMPLEX OF THE GRAVE 11 OF THE DUBROVSKY BURIAL GROUND IN SOUTH UDMURTIA

V. Bernts, E. Tchernykh, L. Lipina

Ключевые слова: воинские погребения, вооружение, снаряжение всадника, мазунинская культура, Великое переселение народов, Среднее Прикамье

Рассматривается комплекс артефактов из мужского захоронения конца 4-5 вв. н.э. нового Дубровского могильника, открытого в 2009 г. на территории южной Удмуртии. Погребальный обряд и инвентарь захоронений на нем ярко характеризуют особенности памятников мазунинского типа Среднего Прикамья, в том числе, серии воинских захоронений на них. Характер вооружения мазунинского населения до сих пор не являлся предметом специального исследования, хотя отдельные аспекты, связанные с изменением арсенала воинов на территории Среднего Прикамья в эпоху Великого переселения народов, не раз поднимались в региональной (и не только) литературе. Генерирующим фактором в этих сюжетах традиционно являлась хронологическая и этнокультурная оценка воинских комплектов из памятников тураевско-кудашевского круга.

Keywords: military burials, weaponry, rider equipment, Mazunino Culture, The Great Migration, Middle Kama

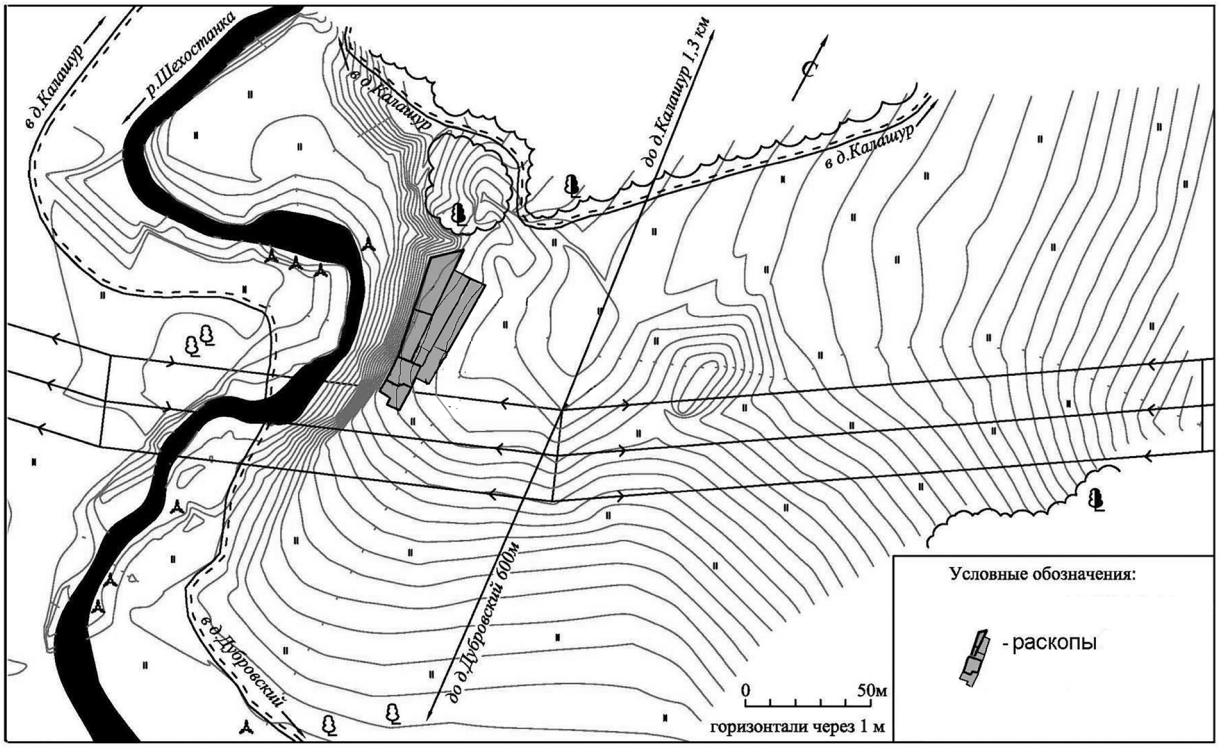
The article deals with the complex of artifacts of warriors grave in Dubrovsky burial ground of the end of the 4-5 centuries AD. The Dubrovsky burial ground was discovered in 2009 in south Udmurtia. The funeral rite and burial implements of this necropolis characterizes the Mazunino Culture in the Middle Kama.

The weaponry of this population has not been a subject of special investigations. But some aspects of changing of warriors' arsenal in the Middle Kama during the Great Migration were considered by researchers. A generating factor of the investigations were ethno-cultural and chronological character of warriors sets from the Turayevo-Kudashevo type archaeological sites.

Дубровский могильник – новый памятник мазунинского типа, продолжающиеся раскопки которого ведутся отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского госуниверситета ежегодно, начиная с 2009 г. [Черных, Бернц, Перевозчикова, 2010]. Некрополь находится в Киясовском районе Удмуртской Республики, на небольшом водотоке – р. Шехостанка (рис. 1, *1*), правом притоке р. Кырыкмас, левом притоке р. Иж, правом притоке р. Кама. В топографии некрополя нашли выражение характерные признаки, отмеченные для данной категории мазунинских памятников – высокий берег реки, с панорамным обзором широкой поймы [Генинг, 1967. С. 9; Останина, 1997. С. 20-21]. Сам берег реки в месте расположения некрополя выделяется особой выразительностью, с него открывается прекрасный вид на окрестности в радиусе 1,5-2 км. Неслучайно местное название возвышенности – «Горд Яр», т.е. буквально «Красная Гора» (рис. 1, *2*).

На погребальном поле уже изучено 158 могил, располагавшихся четко выраженными рядами (выявлено более 20), идущими вглубь террасы, в направлении ЮЮЗ-ССВ. Могильные ямы имели прямоугольную форму, ориентированы по линии ССЗ-ЮЮВ, вдоль направления течения реки. Захоронения в основном одиночные. Большинство погребенных на нем сопровождались вещевыми наборами. Погребальный инвентарь соответствует стандартному набору захоронений пьяноборской КИО на позднем этапе ее бытования: фибулы-застежки, детали женских головных уборов и поясов с множеством бронзовых или железных накладок, жертвенные/подарочные наборы. Изучен и ряд выразительных мужских захоронений, археологический и антропологический характер которых позволяет уверенно атрибутировать статус погребенных, определенно связан-

© Бернц В. А., Черных Е. М., Липина Л. И., 2015. УАВ. Вып. 15. С. 130-147



1

2

Рис. 1. Дубровский могильник:
1 – план расположения; *2* – вид на «Красную горку» со стороны н.п. Дубровский

ных с воинским ремеслом. Среди данной группы и погребение, ставшее предметом рассмотрения в данной публикации.

Погребение 11 (рис. 2А) было совершено в глубокой (до 0,9 м) яме, размерами 255×88 см. Яма, ориентированная по линии ССЗ-ЮЮВ, на уровне фиксации ничем не отличалась от остальных: форма прямоугольная с четкими углами, слегка скошенным северо-западным углом, стенки отвесные, дно плоское. Погребальная камера была достаточно просторной, умерший был уложен по центру ямы, на деревянном настиле, вытянуто на спине, руки слегка отведены в стороны, головой на ЮЮВ. Слева от него, между рукой и туловищем был уложен длинный железный меч, обращенный острием вниз, рукоять меча находилась на уровне плечевой кости (рис. 2Б, *7*). От деревянных ножен сохранились только следы древесных волокон. Рядом с мечом обнаружены детали портупейного ремешка (?) – железные накладки (рис. 2Б, *2, 3*) и пряжки-кольца (рис. 2Б, *6*), лежавшие вытянутыми рядом от хвостовика к нижней полу-трети клинка. Между мечом и левой тазовой костью расчищены железный нож довольно крупных размеров (рис. 2Б, *5*) и наконечник копья (рис. 2А, *9*). Еще два ножа были уложены справа от костяка, рядом с бедром (рис. 2А, *10, 11*). Четвертый нож небольшого размера, был обнаружен уже в процессе камеральной обработки находок, в скоплении железных прямоугольных накладок, найденных на клинке меча. Слева от черепа сохранилась крупная железная пряжка язычком вверх – остатки поясного ремня, уложенного, как это было распространено у мазунинцев, вдоль тела умершего в расправленном виде (рис. 2Б, *1*). Рядом с левой стопой были уложены железные удила (рис. 2А, *14*). Вместе с удилами найден железный предмет бантиковидной формы, первоначально названный нами «обжимной» пластиной (рис. 2А, *13*). Аналогичный предмет, только меньших размеров, сломанный пополам, размещался между удилами и острием меча (рис. 2А, *12*). Поверх крестцовой кости костяка лежал еще один железный предмет в виде дужки с крючком на конце (рис. 2А, *8*).

Костяк принадлежал молодому мужчине 20-30 лет. По заключению специалиста, «погребенный мужчина обладал сильно развитыми мышцами плечевого пояса. Об этом свидетельствуют выраженный рельеф гребней малого и большого бугорков плечевой кости и значительная протяженность межбугорковой борозды между ними»[1].

Описание инвентаря

1. Железная пряжка (рис. 4, *1*), крупная, с овальной рамкой, имеющей утолщение в передней части, сечение рамки круглое, размеры рамки ≈2,5×4,1 см. Щиток пряжки прямоугольный, из согнутой пополам пластины, размеры щитка ≈3,6×5,0см; язычок ровный, доходящий до переднего края рамки, с небольшим прогибом в середине. На щитке – железный штифт. Абсолютно близких аналогий данной пряжке найти не удалось. У подобных пряжек, составляющих представительные серии в Тураевском и Тарасовском могильниках, как правило, несколько иные пропорции, или имеются дополнительные элементы (например, штифты из цветного металла). По-видимому, они являлись продукцией местных мастеров, по-своему усмотрению копировавших импортные бронзовые гарнитуры. Т.И. Останиной пряжки типа 7 варианта I (с прямоугольным щитком, овальной рамкой и коротким язычком) включены в смежную хронологическую группу, с широким интервалом бытования – III-V вв. [1997. С. 108, 296. Рис. 51, *63*], но в Тураевском некрополе (грунтовая часть) подобные пряжки бытуют в комплексах второй половины IV – V вв. [Голдина, Бернц, 2010. Табл. 259].

2. Железные пряжки-кольца (2 экз.), рамки округлые, общая длина изделий с кольцом составляет 3,5-5,0 см, размеры колец 1,7-1,8×2,2 см и ≈1,5×2,1 см, щитки – из согнутой пополам пластины (рис. 4, *5, 6*). Размеры пластин 4,0×1,4 и 2,3×1,3 см. В верхней части более крупной пластины сохранилось отверстие для железного штифта. Коррозия металла сохранила на одной из таких пряжек следы тканевой основы (рис. 4, *6*). В мазунинских могильниках такие предметы встречаются, как правило, по 1-2 экземпляра (чаще железные, реже – бронзовые или биметаллические), в комплекте с железными ножами (Тураевский (3 погр.), Тарасовский (12 из 18 погр), Боярский «Арай» (1 погр.). В Рождественском V могильнике аналогичные кольца-подвески, выполненные из меди, найдены рядом с мечом [Старостин, 2009. Рис. 24, *19*]. По-видимому, можно уверенно атрибутировать их как неотъемлемые элементы подвески ножей или мечей. Последняя по времени достаточно выразительная подборка таких пряжек-колец опубликована алтайскими археологами А.А. Тишкиным и С.С. Матрениным [2013; 2015]. У ранних кочевников восточной зоны Евразии они рассматриваются как наиболее многочисленная категория ременной гарнитуры «дотюркского типа», предназначались для фиксации подвесных портупейных ремешков, имевших особенно широкое хождение в III-V вв. н.э. [Тишкин, Матренин, 2013. С. 209]. К западу от Среднего Прикамья подобные железные детали поясов как будто достаточно редки.

[1] Авторы выражают искреннюю признательность за работу с антропологическими материалами могильника к.и.н. И.Г. Широбокову (МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера), г. Санкт-Петербург).

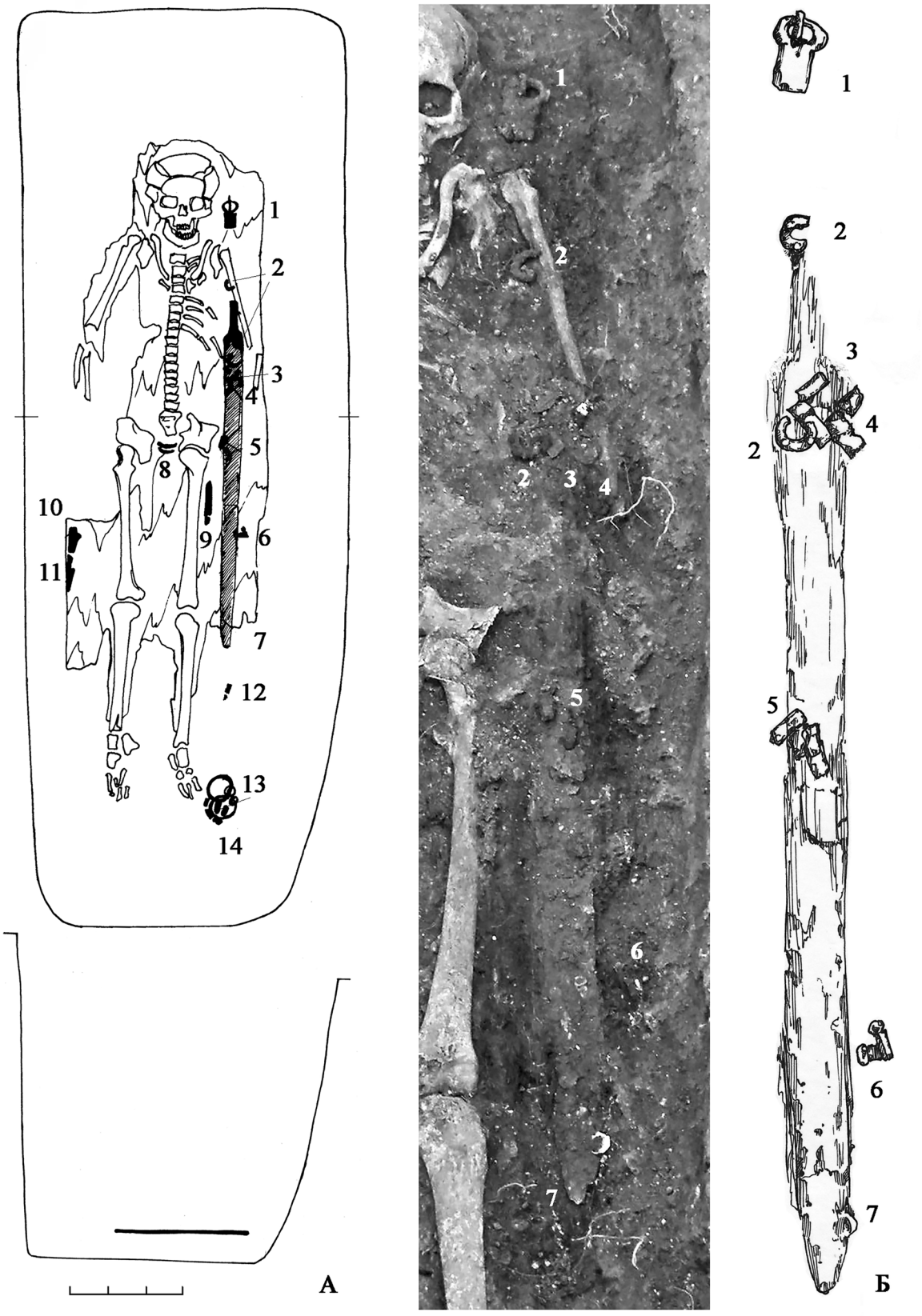


Рис. 2. Дубровский могильник. Погребение 11.
А – план и разрез: *1* – пряжка; *2, 3* – накладки; *4, 5, 10, 11* – ножи; *6* – пряжки-кольца; *7* – меч; *8* – дужка; *9* – наконечник копья; *12, 13* – обоймы; *14* – удила; *Б* – фрагмент погребения (фото) и фиксация находок in situ

3. Железные прямоугольные плоские накладки (3 экз.), каждая с двумя (сохранились только на одной накладке) железными штифтами для крепления, размеры 0,8-1,1×3,9, 1,3×3,6 и 1,0×4,0 см (рис. 4, *2-4*). Т.И. Останиной такие накладки отнесены к типу I поясных, не дифференцируемых с бронзовыми. В погребениях, по ее наблюдениям, они немногочисленны [1997. С. 57-58]. В то же время, при всей многочисленности и разнообразии мазунинских поясных гарнитур, обращает внимание то, что интересующие нас типы железных накладок в составе поясов даже такого крупного некрополя как Тарасовский обнаружены лишь в 6 погребениях (№№ 10, 22АБ, 257, 518, 550Б, 1028). При этом количество их в наборах составляло от 2 до 9 штук. Возможно, железные накладки этого типа следует рассматривать как вынужденное замещение бронзовых аналогов вследствие дефицита цветного металла. Действительно, факт массового распространения железа в мазунинское время в Прикамье устанавливается не только для накладок, а вообще для поясной гарнитуры и целого ряда других категорий украшений (подвески, головные уборы, сюльгамы). В это объяснение, как представляется, не очень вписывается факт использования в ряде случаев бронзовых крепежных штифтов для таких пряжек (Тураевский грунтовый могильник, погр. 197), а также следы частичного ремонта/замены их деталей. Дата накладок определяется Т.И. Останиной в рамках I хронологической группы мазунинской культуры – III в. н.э. [1997. С. 104], но в Тураевском грунтовом могильнике они найдены в составе комплектов погребений 157 и 197, датированных V в. [Голдина, Бернц, 2010. С. 141-147. Табл. 259].

4. Железные круглые накладки (рис. 4, *7, 8*). Сохранились фрагментарно, их внешний диаметр ≈3,2-3,5 см, внутренний – 2,0 см. На накладках имелись железные крепежные штифты, по два на каждой (на целых экземплярах было, очевидно, три). Прямых аналогий таким накладкам найти не удалось. Хотя в мазунинских могильниках в составе поясных гарнитур известны накладки близкой формы, только выполненные из бронзы (П[2]., погр. 109Б и 125; Тар., погр. 1685, 1714, 1772, СтК, погр. 80, 98, 102, 115, 117, 141). Диаметр таких накладок (тип 7) – 1,4-1,6 см. Количество накладок на одном поясе варьировалось от 2 до 10 и, зачастую, как было подмечено Т.И. Останиной, в сочетании с накладками ромбической формы [Васюткин, Останина, 1976. С. 73. Табл. 8, *29*; 10, *18, 28*; 12, *22*, 13, *29*, 17, *21*; Останина, 1997. С. 59]. В Тарасовском могильнике они во всех случаях являлись декоративными деталями ремешков, в комплекте с мечом (погр. 1685, 1772), либо с ножом (п. 1714). Бронзовое кольцо для привешивания ножен рядом с рукоятью меча упоминает И.Р. Ахмедов, описывая комплекс воинского погребения в могильнике Заречье 4 в рязанском течении Оки [Ахмедов, Белоцерковская, 1996].

5. Меч – двулезвийный, длина клинка 91 см (рис. 3, *7*). Ширина клинка у пяты 6 см, лезвия параллельные, сужающиеся почти у самого острия до 4 см, в сечении клинка – линза. Штырь треугольный, длиной 8,5 см, прямоугольного сечения, в верхней части сохранился железный штифт, с помощью которого крепились обкладки рукояти меча. Угол перехода от хвостовика к плечикам клинка почти прямой, что позволяет по классификации А.М. Хазанова отнести его к типу 3 позднесарматских мечей без металлического навершия [Хазанов, 2008. С. 50]. Позднее И.П. Засецкая обратила внимание на дифференциацию мечей типа 3, наличие среди них широких клинков (6-7 см) с параллельными лезвиями и сравнительно узких (4,2-5,3 см), постепенно сужающихся к острию клинков, предположительно с различными центрами производства и генезиса. Одновременно, отметив уязвимость выделения типов мечей по одному формальному признаку, она указала на высокую вероятность попадания в один тип разнотипного оружия [Засецкая, 1994. С. 24-28]. Наш клинок, как будет показано ниже, представляет именно такой случай. Судя по размерам штыря-хвостовика, а также некоторым деталям, встреченным в могиле in situ, общая длина рукояти составляла более 20 см. Это не самая длинная рукоять среди известных. Наличие длинных рукоятей у позднесарматских мечей (21-28 см) убедительно продемонстрировал С.И. Безуглов [2000. С. 171]. Подтверждением этих наблюдений могли бы послужить и мечи с навершиями из мазунинских могильников Прикамья, сохранившиеся практически полностью. Это мечи из п. 17 Нивского могильника [Останина, 1978. Табл. V, *1*], п. 16 Ижевского могильника [Генинг, 1967а. Рис. 2, *4*], п. 765Б Тарасовского могильника [Голдина, 2003. Табл. 232, *13*], п. 89 Усть-Сарапульского могильника [Арматынская, 1986. Рис. 6, *19*], п. 347 Покровского могильника [Останина, 1992. С. 37], клинок из п. 128 Дубровского могильника. Длина их рукоятей варьировалась в пределах 30-40 см.

Попытка частичной консервации и реставрации меча с применением электрохимического способа, к сожалению, привела к потере его формы (от клинка остались только хвостовик и два крупных обломка лезвия). Но в итоге на поверх-

[2] Здесь и далее для удобства использования введены следующие сокращения в названии могильников: П – Покровский, Тар – Тарасовский, Тур – Тураевский, СтК – Старокабановский, Н – Нивский, Иж – Ижевский, У-С – Усть-Сарапульский, Дуб – Дубровский.

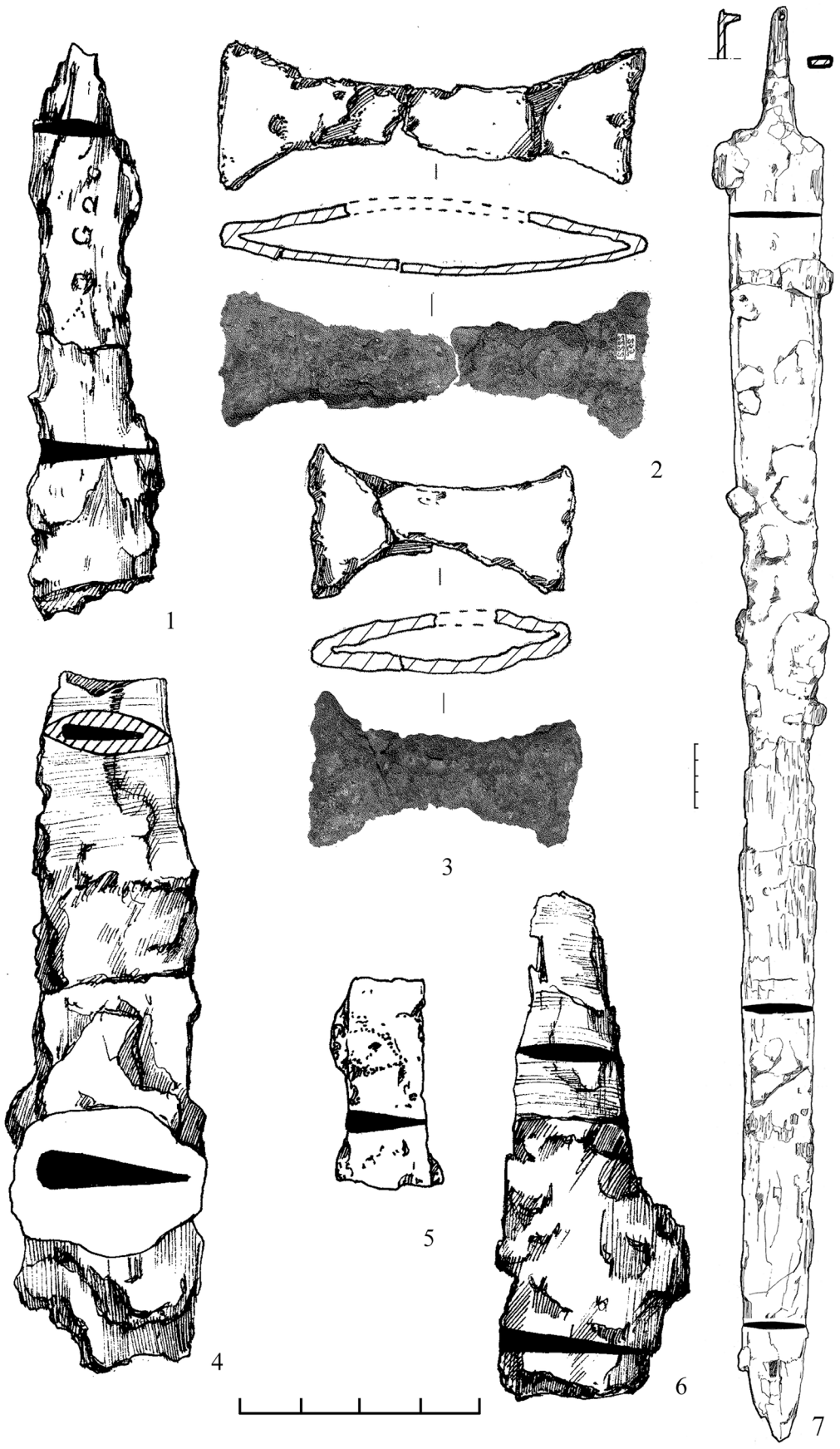


Рис. 3. Инвентарь погребения 11: *1, 4-6* – ножи; *2, 3* – обоймы; *7* – меч (*все* – железо)

ности клинка оказались видны некоторые технологические следы, такие как многослойность стальной заготовки. Без металлографического анализа трудно говорить о технологии изготовлении, но визуально определимые признаки все же позволяют высказаться за использование древним мастером пакетной заготовки. Пакет был сварен не менее чем из пяти полос, одинаковых по структуре. Можно согласиться со специалистами, считающими данные мечи продукцией местных мастеров, использовавших для подражания привозные образцы [Завьялов, Розанова, Терехова, 2009. С. 111; Перевощиков, Малых, 2014. С. 18-25].

6-7. Обоймы. Две железные обоймы выкованы из тонких пластин, образующих в сечении линзу, соответствующую поперечному разрезу клинка (рис. 3, *2, 3*). Форма более крупной обоймы бантиковидная, фигурно расширяется к концам. Длина составляет 7,5 см, ширина – 1,3-2,5 см, что соответствует ширине и толщине клинка в области пяты. Второй предмет также бантиковидной формы, менее крупный – длина 5,0 см, ширина 1,2 см. Эти показатели близки размерам клинка в области острия. Уверенно атрибутировать данные обоймы как детали меча, на первый взгляд, довольно сложно, поскольку найдены они были не на самом клинке. Поиск аналогов позволяет трактовать их по-разному: 1) как металлические детали ножен – обкладки устья и бутероли[3]; 2) как детали эфеса. Крупная обойма при этом надевалась непосредственно на пяту клинка, меньшая – крепилась в верхней части рукояти. В материалах Прикамья подобным образом была оформлена верхняя часть ножен одного из тураевских мечей (погребение 1 в кургане 1) [Генинг, 1976. С. 94. Рис. 26, *13*], пластинчатое перекрестье меча из кург. 24 (п. 4), кург. 25 (погр. 1) Бродовского и кург. 23 Митинского могильников [Волков, 1995. Табл. 39, *2*; 49, *4*], а также деревянные ножны меча из погр. 17 Нивского могильника III-IV вв. н.э. [Останина, 1978. Табл. V, *1*]. Последний меч даже по параметрам весьма близок дубровскому. Стоит попутно заметить, что и состав сопроводительного инвентаря погр. 17 в Ниве близок анализируемому (нож, пояс слева от погребенного, удила в ногах). Более ранней аналогией конструкции дубровского меча, очевидно, можно рассматривать клинок из п. 260 Сасыкульского могильника (раскопки В.К. Калинина, 1979 г.), уникальное железное перекрестье которого было декорировано в технике перегородчатой эмали [Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16, *1*].

8-11. Ножи (4 экз.). Все входившие в комплект сопроводительного инвентаря ножи найдены в обломках. У трех ножей сохранились обкладки деревянной рукояти, а у самого крупного ножа – еще и остатки деревянных ножен (рис. 3, *1, 4, 6*). Ширина лезвий ножей варьировалась в пределах 2,5-3,0 см, установить длину затруднительно. Характер перехода от лезвия к черенку у всех ножей различается (плавный, с двумя уступчиками со стороны лезвия и спинки, а также с уступом только со стороны лезвия). Можно отметить и небольшой нож с узким лезвием (1,2 см), крепившийся, очевидно, также к портупейному ремню. Клинок, занимавший место рядом с мечом, слева от костяка (рис. 3, *4*), судя по размерам, можно отнести к боевым ножам. Он составлял пару с мечом, что является ярким атрибутом милитаризованных групп эпохи переселения народов [Казанский, 2010].

12. Удила (рис. 5, *4***)** относятся к типу двухчастных кольчатых. И кольца и грызла изготовлены из железного круглого в сечении дрота диаметром 0,5 см. Длина грызел, концы которых загнуты в кольца, 8,5 см. Это обычная длина, вполне соразмерная с шириной нижней челюсти лошади на беззубом краю [Симоненко, 2010. С. 153]. В них вставлены довольно крупные свободно вращающиеся кольчатые псалии, диаметром 6,1 см. На кольцах надеты по 1-2 узких зажима для скрепления с ремнями оголовья и повода, согнутых из железных пластин. Длина зажимов до 4,0 см при ширине 1,1 см. Такие удила в раннечегандинских (пьяноборских) могильниках не известны, а в позднепьяноборских (мазунинских и азелинских) всаднических наборах появляются, по-видимому, одновременно с позднекараабызскими (Шипово), в III – начале IV в. н.э. [Пшеничнюк, 1976; Лещинская, 2014]. В древнемордовских могильниках они входили в комплексы III – первой половины IV вв. н.э. [Гришаков, 2008. С. 104-106]. В мужском инвентаре рязано-окских могильников, по хронологическим наблюдениям И.Р. Ахмедова, характеризуют позднюю группу погребений (период 1В) первой половины III в. [Восточная Европа…, 2007. С. 139. Схема 1]. В Прикамье удила с крупными кольцами распространяются, вероятно, одновременно с носителями традиции подкурганных захоронений IV-VI вв. (Тураево, Броды, Митино, Бурково, Варни) [Генинг, 1976. Рис. 26, *12*; 28, *13*; 31, *11*; Голдина, 1986. Табл. 7, *24*; 14, *11*; 15, *27*; 17, *35*; Иванов, 1999. Рис. 7, *14*].

13. Наконечник копья (рис. 5, *3*) втульчатый, с массивным ланцетовидным пером треугольного сечения, плавно отходящим от втулки. Общая дли-

[3] Выражаем искреннюю признательность М.М. Казанскому и О.А. Радюшу за конструктивную помощь в работе с нашим материалом.

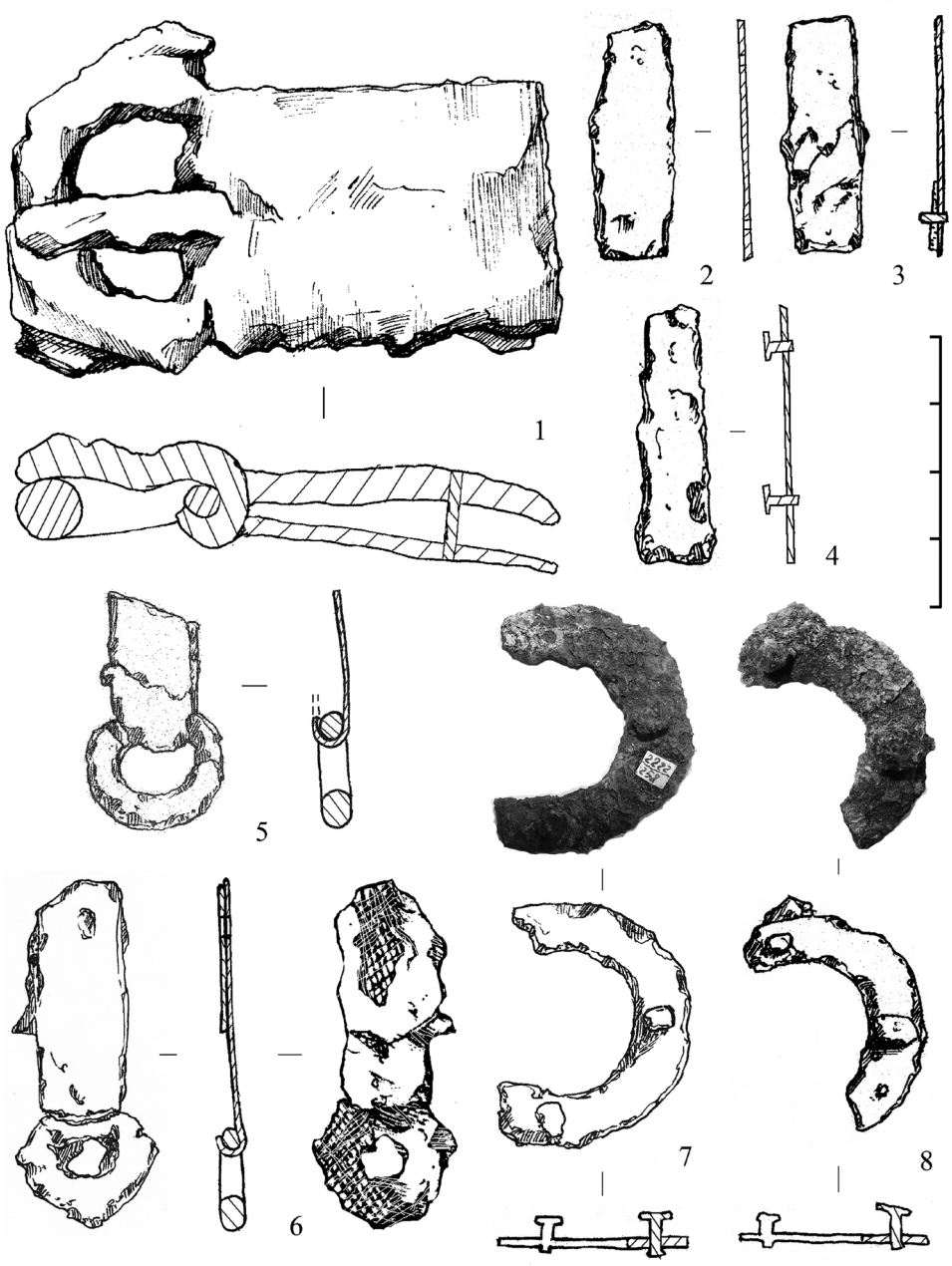


Рис. 4. Инвентарь погребения 11 (продолжение):
1 – пряжка; *2-4, 7, 8* – накладки; *5, 6* – пряжки-кольца (*все* – железо)

на наконечника 14-15 см. Втулка и перо примерно равны по длине, перо – 6,5 см, втулка – около 5,0 см, диаметр втулки 1,5 см. Своеобразие данного наконечника заключается в наличии шейки между пером и втулкой. Размеры наконечника позволяют рассматривать его как оружие типа дротика или сулицы, по мнению А.Н.Кирпичникова, весьма распространенного в Восточной Европе древкового оружия в эпоху переселения народов [1966. С. 23]. Близкий по форме и параметрам наконечник известен в богатом воинском погребении 141 Безводнинского могильника [Краснов, 1980. С. 75. Рис. 52, *9*]. Напоминает короткие сарматские наконечники типа 3, наиболее удобные, по мнению А.В. Симоненко, для нанесения сарматскими копейщиками таранного удара с коня и пробивания тяжелого доспеха [Симоненко, 2010. С. 75-76]. А.П.Зыков убежден, что они были одинаково удобны как в рукопашном бою, так и для метания [Щит и меч…, 2008. С. 66].

14. Наконечник стрелы (рис. 5, *2***)** принадлежит к редкому для Прикамья типу втульчатых с плоским листовидной формы пером. Перо симметричное, наибольшее расширение приходится на его середину. Общая длина наконечника 4,0 см, длина пера равна длине втулки. При этом втулка выглядит довольно массивной – диаметр ее 0,8 см. Втульчатые железные наконечники стрел

для мазунинских могильников не характерны. Т.И. Останина указывает на присутствие в коллекциях только двух экземпляров, да и те имеют довольно крупные размеры, широкое плоское перо ромбической формы и короткую втулку [1997. С. 76. Рис. 18, *12*]. Еще один наконечник найден при раскопках Кузебаевского городища [Останина, 2002. Рис. 3, *10*], но он, скорее всего, связан с более поздним именьковским комплексом. На Нижней Каме и Вятке, в азелинских комплексах, втульчатые наконечники стрел также немногочисленны, но типологически более разнообразны [Лещинская, 2014. С. 70. Табл. 48, *3-6*]. К примеру, в Рождественском V могильнике на 31 железный наконечник приходятся 4 втульчатых [Старостин, 2009. С. 54]. Р.В. Матвеев считает, что они появляются в Волго-Камье в начале III в. н.э. [2013. С. 20]. В восточных районах Прикамья (поломская, ломоватовская культуры), по мнению С.Р. Волкова, железные втульчатые наконечники стрел появляются лишь в VII в. н.э., а в неволинских комплексах – не ранее IX в. [Волков, 1995. С. 58-60, 77]. То есть, вряд ли будет большой ошибкой рассматривать присутствие единичных экземпляров таких стрел в воинских комплектах эпохи Великого переселения народов как свидетельства западных импульсов в Прикамье.

15. Дужка (рис. 5, *1*) слабо изогнутая, из железного стержня прямоугольного сечения, загнутого на зауженном конце в крючок. Ширина пластины в месте наибольшего расширения составляла 1,2-1,4 см. Местонахождение предмета в области крестца погребенного не давало никаких оснований для его атрибуции. Смеем высказать предположение о назначении данного артефакта как дужки котелка или ведра. В мазунинских памятниках котелки не известны, но в воинском погребении 1а кургана VII были найдены медные оковки от деревянного сосуда [Генинг, 1976. С. 77. Рис. 32, *17*], что характерно, в центре гробовища. Но бронзовые котелки в это же время «выпадают» в азелинские погребения на Нижней Каме, в Рождественском V (2 экз.) и Нармонском (1 экз.) могильниках [Старостин, 2002. Рис. 9; 2009. Рис. 46, *5*]. Оба рождественских котелка происходят из мужских, судя по составу инвентаря, воинских захоронений. В Нармонском могильнике котелок найден в детском, но, безусловно, статусном погребении. Что характерно, все они несут на себе следы длительного использования, ремонта и замены деталей (в частности, железные дужки). В некоторых чертах они обнаруживают близость бронзовому котелку из кург. 15 «Золотого кладбища» [Гущина, Засецкая, 1994. Табл. 28. Кат. 273]. По замечанию И.П. Засецкой, кованые котелки из листовой меди разнообразных типов были широко распространены в римское время в южнорусских степях. Их объединяет техника изготовления, материал и наличие железного ободка и дужки [Там же, 1994. С. 109]. Медные и бронзовые котелки содержали захоронения в склепах у Лермонтовской скалы [Рунич, 1976. Рис. 2, *1*; Он же, 1979. Рис. 3, *32*; 5, *9*], п. 123 Мокрой Балки [Засецкая и др., 2007. С. 130. Рис. 49, *10*]. Похожие котелки есть в Дюрсо [Дмитриев, 1979. Рис. 10, *4*], Кишпеке [Bona, 1991. S. 183. Taf. 79]. Попутно следует заметить, что в могильнике Тюм-Тюм на Вятке (опять же в исключительно богатом воинском погребении №94) умершего сопровождали два выразительных бронзовых котла с ручками кочевнического типа [Ошибкина, 2010. С. 28. Табл. 48, 49]. Про бронзовые котлы как индикатор знатности в погребениях алан Кисловодской котловины V-VII вв. н.э. пишет Д.С. Коробов. В группе выделенных им захоронений т.н. «воинской элиты» бронзовые котлы обнаружены во всех [Коробов, 2003. С. 197-198. Табл. 24].

Кстати, бронзовые сосуды рассматриваются как символы статуса вождеских могил меровингов [Christlein, 1973], что имеет глубокие корни в западноевропейских культурах едва ли не с эпохи позднего бронзового века. Известны факты присутствия деревянных ведер с бронзовыми и железными оковками в скандинавских могильниках эпохи турбулентности, опять же в статусных воинских захоронениях [Straume, 2011. S. 435. Taf. 16, *11, 12*].

В связи с этим, симптоматично, что в поломских и ломоватовских могильниках Верхнего Прикамья металлические котелки появляются также в середине I тыс. н.э. [Голдина, 1985. Табл. XXX, *38-40*], причем, как отмечал В.А. Семенов, в составе инвентаря исключительно богатых мужских захоронений [1980. С. 52. Табл. XVIII, *13-16*]. В неволинском Верх-Саинском могильнике единственная находка бронзовой дужки от металлического сосуда также связана с мужским всадническим погребением №64 [Голдина, Водолаго, 1990. С. 32. Табл. L, *22*].

Таким образом, весь облик предметов из погребения позволяет нам датировать его не ранее конца IV – первой половины V вв. н.э.

Реконструкция подвески меча

Сохранность материала в погребении и его расположение не позволяют однозначно интерпретировать назначение накладок, пряжек-колец и обойм. С одинаковой степенью вероятности они могли быть элементами поясной гарнитуры, деталями меча или его крепления. В результате было выполнено несколько вариантов реконструкции[4]. Каждый из вариантов имеет ряд несоответствий.

[4] Нами была отвергнута версия наличия отдельного портупейного ремня из-за отсутствия дополнительных пряжек и другой металлической гарнитуры.

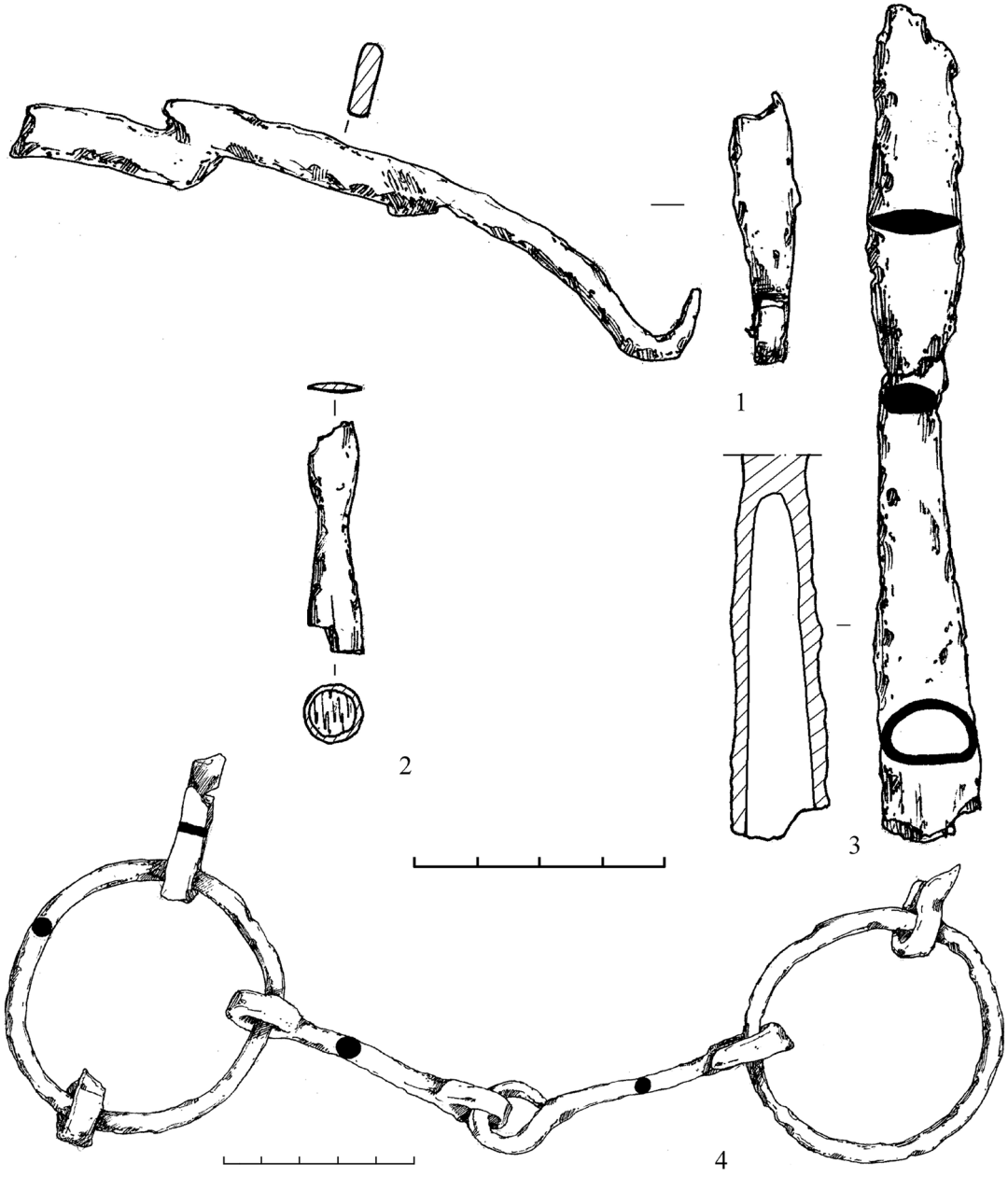


Рис. 5. Инвентарь погребения 11 (продолжение):
1 – дужка; *2* – наконечник стрелы; *3* – наконечник копья; *4* – удила (все – железо)

Вариант 1. Меч подвешен слева. Его крепление к основному ремню осуществляется благодаря пряжкам-кольцам (рис. 6, *1*). Ширина ремня не менее 4 см. Свидетельство этому – ширина щитка основной пряжки и пряжек-колец. Ширина портупейного ремешка не менее 1 см – таков диаметр отверстия колец.

Портупейный ремешок продет в деревянную скобу, зафиксированную в верхней части ножен с помощью железных прямоугольных накладок. Круглые накладки являются частью наборной рукояти. Навершие, вероятно, как и сама рукоять, было деревянным. Из этого же материала могла быть изготовлена скоба, за которую ножны подвешивались к ремню. Железные обоймы выполняли роль обкладок ножен.

В данном варианте реконструкции расположение пряжек-колец слева на ремне не соответствует их местонахождению в погребении. Не поддается объяснению и находка обойм на значительном расстоянии от меча. Но в качестве рабочей гипотезы можно высказать предположение о преднамеренном снятии и порче ножен.

Вариант 2. Меч подвешен слева (рис. 6, *2*). Круглые железные накладки, расположенные слева на ремне, являются элементами крепления портупейного ремня. Их размещение в погребении по линии развёрнутого вдоль тела рем-

ня с равными интервалами в 20 см от пряжки и друг от друга допускают такую версию использования. Накладки крепились тремя железными штифтами к кожаной ленте шириной от 4 см. Портупейный ремень мог жёстко фиксироваться этими накладками к основному ремню, либо продеваться сквозь них и завязываться. Кольцевидная форма накладок позволяет предположить оба варианта. Меч имеет дополнительное крепление: пряжки-кольца, обнаруженные справа у лезвия меча, возможно, были приклёпаны к ножнам и выполняли функцию их добавочной фиксации в вертикальном, либо наклонном положениях.

Прямоугольные накладки служили украшением устья ножен, или, как в первом варианте, креплением скобы.

Железные обоймы трактованы в этой версии как гарды меча. Крупная – расположена у основания рукояти, меньшая – в ее верхней части.

Вариант 3. Местоположение пряжек-колец допускает ещё одну версию их использования – в качестве гарнитуры для подвешивания большого ножа справа, который несколько уравновешивает распределение тяжести на ремне (рис. 6, *3, 5*). Такой вариант максимально соответствует расположению находок в могиле, за исключением обеих железных обойм, интерпретируемых, как и в варианте 2, как детали эфеса. В этом случае можно предположить, что рукоять (вместе с гардами) была снята с хвостовика и помещена в ноги погребенного, рядом с удилами.

Контекст погребений с мечами

На правобережье р. Кама сегодня известно 16 памятников мазунинского времени (III-V вв. н.э.), на них исследовано 2492 погребения: 2477 грунтовых и 15 подкурганных (Тураево I, раскопки В.Ф.Генинга)[5]. Но мечи найдены не во всех – информация имеется о 53 железных клинках (51 погр.) из 7 некрополей: Тарасовского (870 могил мазунинского типа из 1880), Нивского, Покровского, Дубровского, Ижевского, Усть-Сарапульского, Тураевского (курганная и грунтовая части).

Количество раскопанных могил на памятниках различно, но и тех материалов, что имеются в распоряжении авторов, вполне достаточно, чтобы убедиться, что процент могил с мечами на грунтовых некрополях очень мал: от 1,3% (Нивский, Тарасово) до 3,01% (Покровка) и 3,5% (Дубровка), при минимальном показателе 0,4% (Тураево I). Максимальный показатель – 46,7% – дают материалы тураевских курганов, а с учетом того, что часть могил там полностью разграблена, этот процент, вероятно, был выше.

Находки мечей приходятся, главным образом, на индивидуальные захоронения (47 могил), 6 клинков найдены в парных погребениях. В двух двойных могилах меч сопровождал одного из погребенных (п. 131А Тарасово, п. 21А Дубровка). В могиле 131 захоронены взрослые 20-30 лет (пол также не определен). В п. 21А Дубровского могильника оба костяка принадлежали детям: 6-7 лет (костяк А) и 12-13 лет (костяк Б). Меч был положен младшему по возрасту ребенку. В двух погребениях мечи обнаружены в инвентаре обоих захороненных: тураевский курган VII (пол взрослых умерших не определен) и тарасовское погребение 765 (мужчины близкого возраста – 18-20 лет).

Взгляд на погребения мазунинского типа с мечами через призму возраста погребенных не оставляет сомнений в том, что подавляющая часть их принадлежала профессиональным воинам. Возраст мужчин с мечами определен для 33 случаев из 53 (62%). Только в двух случаях это были дети от 6 до 12 лет (п. 21А Дубровского и п. 1779 Тарасовского могильников). Среди взрослых индивидов – 28 (47,5%) – взрослые старше 20 лет. Показательно, что 22 из них имели возраст 18-45 лет, то есть самый боеспособный для мужчин. У семи воинов (21,2%) возраст установлен в более широких границах – 25-55 лет (Тур, п. 171; Тар, п. 199; П, погр. 19, 59, 99, 115; Дуб, п. 22).

Положение мечей в погребениях устанавливается достаточно надежно для большинства случаев. В 39 могилах у 41 захороненных (77,4%), клинок находился слева вдоль тела, от головы/плеча к коленям/стопам умерших, рукоятью к голове. Дважды (3,8%) мечи были уложены по диагонали могильной ямы (на тела захороненных), от правого плеча к коленям (Тар, п. 6; 17-20 лет) или от левого плеча к коленям (Тар, п. 446; 30-35 лет). Еще в трех случаях (5,7%) мечи были уложены справа вдоль тел умерших, рукоятью к голове (Тур, к. V; Тар, п. 199; Дуб, п. 21А). Дубровское захоронение (№21А), как уже упоминалось выше, принадлежало ребенку 6-7 лет – это самый младший погребенный с мечом в анализируемой выборке. Что касается мечей в пределах одного некрополя, то на Ижевском (4), Нивском (2), Покровском (11), Усть-Сарапульском (1; положение двух не определено) и в грунтовом погребении Тураевского I, все мечи были уложены только слева от захороненных (без учета случаев, в которых положение мечей не установлено). На Тарасовском могильнике представлены четыре варианта расположения мечей относительно тел умерших – справа, слева, по диагонали, в ногах. Необычен вариант, когда обломок клинка был

[5] Мы намеренно не рассматриваем здесь башкирские мазунинские могильники, так как воинские захоронения в них, как это было убедительно показано Т.И.Останиной [1997. С. 139-140], отличаются от удмуртской группы; мечи в них представлены единичными экземплярами.

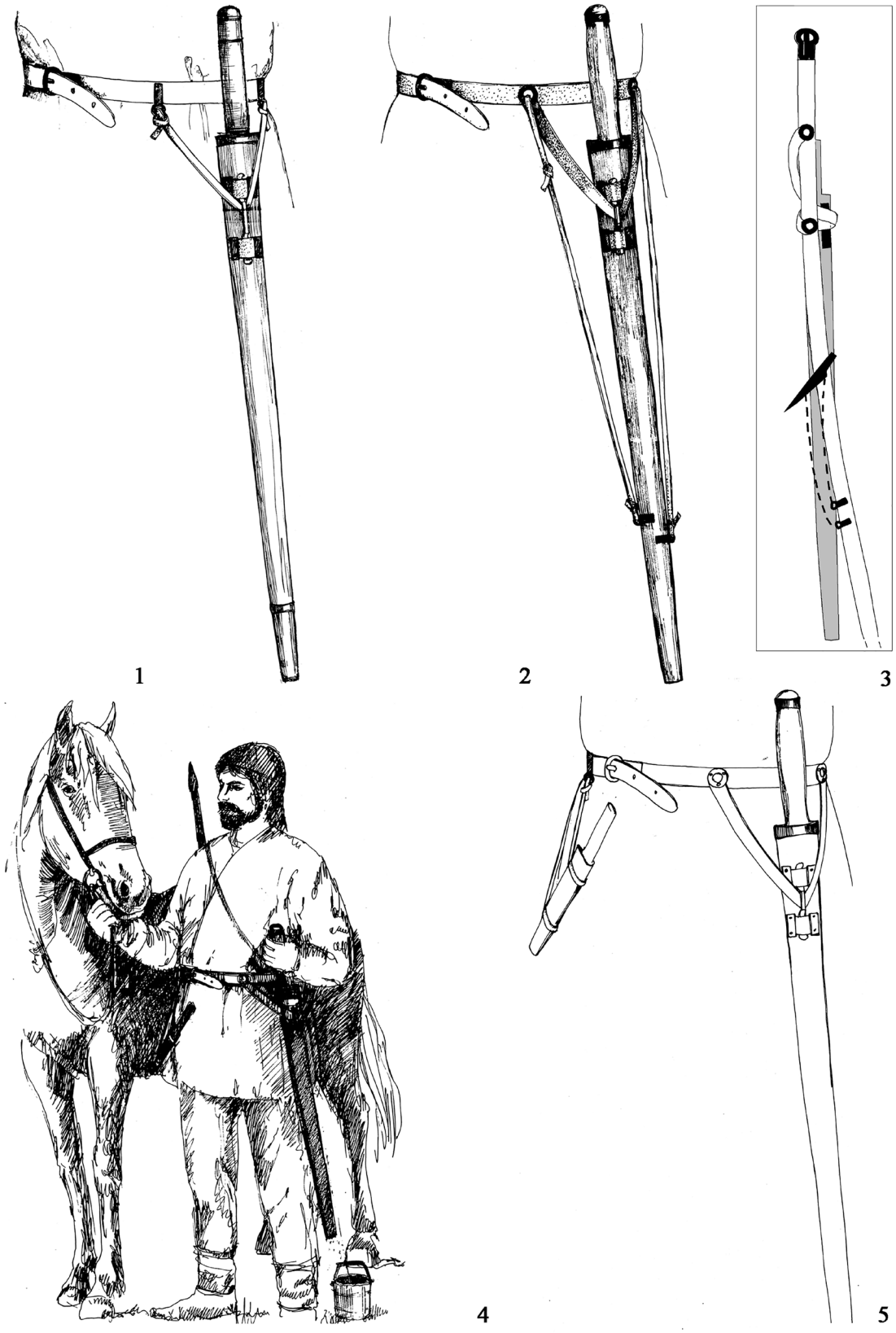


Рис. 6. Реконструкция способа ношения меча: *1* – вариант 1; *2* – вариант 2; *5* – вариант 3; *3* – реконструкция расположения меча, ножа и деталей пояса в погребении; *4* – мазунинский конный воин (по материалам погребения 11)

уложен в ногах умершего, поперек гроба (Тар, п. 1737), что, очевидно, представляет собой редкий случай «обряда обезвреживания» оружия, хорошо известного в погребальном обряде европейского Латена, например, в пшеворской культуре.

Сопутствующий инвентарь погребений с мечами представлен поясной гарнитурой – пряжки, накладки и бляшки, наконечники ремней (детали одежды, пояса, обуви), застежками-сюльгамами, различными мелкими украшениями (бусы, в том числе, янтарные, пронизки, подвески, привески), орудиями труда (кроме ножей, это оселки, пинцеты, пряслице, серп), колчанными крючками. Самыми распространенными предметами вооружения мазунинских «меченосцев» являлись наконечники копий и боевые ножи. Реже в набор входили топоры, секировидные предметы, элементы защитного доспеха (шлемы, кольчуги, панцири, щиты), «косы-горбуши» (или боевые косы), наконечники стрел. Как исключение встречаются находки кузнечных криц, слитков металла, сосудов из глины, дерева или стекла. Показательно, на наш взгляд, что 31 из 53 захоронений (58,5%) имели в своем инвентаре элементы «всаднического комплекса» – конские удила и детали уздечек (Тур I, кк. II, III/2, VI, VII/1а, VII/2, VII/1б, п. 171; Иж, пп. 16, 110, 149; Н, пп. 16, 17; П, пп. 26, 63, 115, 261, 289; Дуб, пп. 11, 22; Тар, пп. 4, 6, 60, 129, 199, 765А, 765Б, 782, 1685, 1737, 1784).

Часто принадлежность предметов, найденных рядом с мечами, или в непосредственной близости от них (пряжки, накладки (прежде всего от поясов, лежавших рядом, под или на мечах), наконечники, пряжки-кольца, накладки-зажимы, бляшки), сложно рассматривать как систему подвески. Думается, что портупеи местных всадников были лишены четко установленного «канона». Имеются случаи, когда меч в захоронении «не имел» аксессуаров (был помещен в могилу без портупеи?), или рядом с ним найдены единичные предметы (1-3), атрибутированные как остатки портупейных ремешков (например, Иж, пп. 10, 16, 110, 149; Н, пп. 16, 17; У-С, пп. 89, 104, 105; П, пп. 26, 59, 99, 261, 347; Тар, пп. 235, 241, 474, 1737, 1772; Дуб, пп. 21А, 29). Детали портупей, наиболее близкие к набору из Дубровского могильника, известны в комплексе п. 790 Тарасовского могильника, где рядом с боевым ножом в деревянных ножнах обнаружены железные пряжки-кольца (2 экз.) с бронзовыми гвоздиками. Нож лежал поверх меча, в области тазовой кости умершего, сам меч был уложен от бедра к стопам. Возможно, общая для ножа и меча портупея была уложена в вытянутом или расстегнутом виде, но нож мог иметь и собственную портупею. Ножи рядом с мечом, которые, как можно предположить, закреплялись на общей с мечом портупее, обнаружены в 21 (т.е. менее чем в половине погребений с мечами) могиле (например, У-С, пп. 104, 105; П, пп. 19, 59, 261, 289, 325, 347; Тар, пп. 4, 6, 129, 131А, 235, 446?, 782, 790, 1685; Дуб, пп. 11, 22, 29, 128).

Более чем в трети могил с мечами рядом с клинком имелись остатки поясов различной комплектности – от одной пряжки, накладок или наконечника, до «полнокомплектного» пояса (пряжка, накладки, наконечник); при этом, непременно с ними находились и ножи.

Нередко с мечами обнаруживаются детали как наверший, так и рукоятей и ножен. В качестве наверший использовались, например, круглые железные набалдашники (вогнутые накладки) (П, п. 83; Тар, п. 790; Дуб., п. 128). В 10 установленных случаях навершием служили халцедоновые (Тур, п. I/1, 171; У-С, п. 89; П, п. 261; Тар, пп. 4, 765А, 765Б, 782, 1685) или стеклянный (Тар, п. 1784) диски, часто с бронзовой накладкой, служившей для крепления диска к рукояти. В трех случаях на деревянных рукоятях сохранилась обмотка тонкой бронзовой проволокой (Тар, пп. 235, 1685; Дуб, п. 128). В п. 16 Ижевского могильника рукоять меча была декорирована пятью бронзовыми кольцами. Изредка на рукоятях сохранялись фрагменты железных штифтов. В двух могилах рядом с мечами расчищены бляхи, выточенные из крупных раковин и относившиеся либо к рукоятям, либо к оформлению ножен мечей (П, п. 26; Тар, п. 4). В 11 случаях ножны (и рукоять) мечей были оформлены железными или бронзовыми накладками (обоймами), у трех клинков накладки имели декор в виде круглых вдавлений различного диаметра (Тур, п. 171; Тар, п. 790; Дуб, п. 128). В п. 17 Нивского могильника, как уже упоминалось, от ножен сохранились крепления в виде железных прямоугольных накладок узкого овально-вытянутого сечения[6].

В самом Дубровском могильнике на сегодняшний день обнаружено пять погребений с мечами. Четыре принадлежали взрослым мужчинам и одно – мальчику 6-7 лет. В этом последнем случае меч был уложен не слева, как у взрослых, а справа от костяка. Все воинские погребения глубокие – от 71 см до 1,48 м. Минимальная глубина – у детского, максимальная – в п. 128, с мечом, аналогичным тураевскому (п. 171). С Тураевским могильником, правда, уже курганным, его сближает наличие в яме каменного завала, а также такая деталь погребального сооружения как поперечная канавка на дне [Генинг, 1976. С. 85]. Только в детском погребении в комплекте с мечом не было ножа (очевидно, в силу его «детскости»). Все ножи длиной более 18-20 см, с прямым

[6] Меч хранится в фондах НМУР им. К. Герда. Данные детали, как стало очевидным при ознакомлении с коллекцией, со временем утратили целостность.

клинком. По мнению М.М. Казанского, короткие однолезвийные клинки, известные в тураевских подкурганных могилах, сопоставимы с азиатскими скрамасаксами [2012. С. 117]. В четырех из пяти могил рядом с мечами обнаружены крупные стеклянные бусины, в двух – кольчатые удила, в четырех – пояса с пряжками и наконечниками ремней, а в детском – даже 2 пояса (один с типично мазунинскими бронзовыми накладками, второй – с крупными железными ромбическими). Заметим, что воинские комплекты в Дубровском могильнике не исчерпываются погребениями с мечами. В погребениях рядовых воинов содержались наборы, включавшие короткие копья-дротики и «косы-горбуши», а также костяные наконечники стрел. В этом ряду погребения с мечами, безусловно, выделяются среди прочих. Поэтому, полагаем, что «дубровский» воин из погр. 11 (рис. 6, *4*), мог принадлежать к той социальной группе мазунинского общества, которую некоторые исследователи соотносят с дружиной «тураевских вождей» [Зыков, 2011. С. 74-77].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арматынская О.В. Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов: Удмурт. ун-т, 1986. С. 26-46.

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В. Вещевые комплексы могильника Заречье 4 // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань, 1996. [Электронный ресурс]: http://www.nuralis.ru/3345-page=05.htm

Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 169-193.

Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1986. С. 95-122.

Васюткин С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии / Науч. ред. Т.И. Останина. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 64-125.

Волков С.Р. Вооружение населения Верхнего Прикамья во 2-й половине I тыс. н.э. (по материалам могильников). Дисс. … канд. ист. наук. Ижевск, 1995. 241 с. / Архив ИИиКНП УдГУ. Ф. 4/1. Д. 44.

Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. (Раннеславянский мир. Вып. 9) / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. 430 с.

Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Памятники мазунинской культуры. (ВАУ. Вып. 7) / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УрГУ, 1967. С. 7-84.

Генинг В.Ф. Ижевский могильник IV-V вв. // Памятники мазунинской культуры. (ВАУ. Вып. 7) / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Ижевск, Свердловск: УрГУ, 1967а. С. 123-140.

Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (захоронение военачальников) // Из археологии Волго-Камья / Ред. кол. А.Х. Халиков, Р.Г. Мухамедова, П.Н. Старостин. Казань: Казанский филиал АН СССР, 1976. С. 55-108.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов: Удмурт. ун-т, 1986. С. 47-98.

Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I-V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2003. 721 с.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990. 175 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2010. 499 с.

Гришаков В.В. Хронология мордовских древностей III-IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Ставицкий. Пенза: Пензенский гос. краевед. музей, 2008. С. 82-137.

Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994. 172 с.

Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. №4. С. 212-231.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак, 2009. 264 с.

Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 212 с.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб.: АО «Эллипс Лтд», 1994. 224 с.

Зыков А.П. Об этнокультурной ситуации в Среднем Прикамье в эпоху Великого переселения народов // УАВ. 2011. Вып. 11. С. 66-80.

Иванов А.Г. Новые материалы по ранней дате поломской культуры: курганная часть Варнинского могильника // Пермский мир в раннем средневековье / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: ИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 6-52.

Казанский М.М. «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1 / Ред. Е.Н. Носов, С.В. Белецкий. М: «Ломоносовъ», 2010. С. 307-320.

Казанский М.М. О происхождении скрамасакса // Stratum plus. 2012. №5. С. 111-124.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX-XIII вв. М., Л.: Наука, 1966. 181 с.

Коробов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа в IV-IX вв. СПб.: Алетейя, 2003. 380 с.

Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.

Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I-V вв. н.э.). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск, 2014. 472 с.

Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго-Вятского междуречья в конце II – IV вв. н.э. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Казань, 2013. 27 с.

Останина Т.И. Нивский могильник III-IV вв. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии / Отв. ред. В. А. Семенов. Ижевск: Удмуртия, 1978. С. 92-117.

Останина Т.И. Покровский могильник IV-V вв.: Каталог археологической коллекции. Ижевск: Удмуртия, 1992. 94 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск: Удмуртский ИИЯЛ УрО РАН, 1997. 327 с.

Останина Т.И. Кузебаевское городище. IV-V, VII вв.: Каталог археологической коллекции. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2002. 112 с.

Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм. Материалы охранных археологических исследований. Том 13. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.

Перевощиков С.Е., Малых О.О. К вопросу о происхождении мечей Тарасовского могильника (по данным металлографии) // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 61. 2014. №22 (351). С. 18-25.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала / Ред.кол. Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35-131.

Рунич А.П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. 1976. №3. С. 256-266.

Рунич А.П. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. 1979. №4. С. 232-247.

Семенов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Ижевск: НИИ при СМ УАССР, 1980. С. 5-135.

Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб: Нестор-История, 2010. 327 с.

Старостин П.Н. Нармонский могильник. Казань: Институт истории. РИЦ «Школа», 2002. 64 с.

Старостин П.Н. Рождественский V могильник. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 144 с.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Поясные бляхи сяньбийско-жужанского времени из могильника Степушка-I в Центральном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. Серия История, политология. 2013. №4/1(80). С. 204-213.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Кунгуров А.Л. Наборные пояса кочевников Алтая эпохи Великого переселения народов из памятника Степушка I // РА. 2015. №1. С. 121-135.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. Изд. 2-е. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 294 с.

Халиков А.Х. Очерки истории Марийского края в эпоху железа // Тр.МАЭ. Т. II. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1962. С. 7-187.

Черных Е.М., Бернц В.А., Перевозчикова С.А. Открытие и исследование нового могильника IV-V вв. на юге Удмуртии // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. XIII Бадеровские чтения: материалы Всерос. науч. конф. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2010. С. 207-211.

Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней: науч.-популярное издание / Гл.ред. А.В. Сперанский. Екатеринбург: ООО «Издательство Раритет», 2008. 466 с.

Bona I. Das Hunnen-reich. Budapest-Corvina, 1991. 294 s

Christlein R. Besitzabstufungen zur Merowingerzeit im Spigel reicher Grabunde aus West- und Suddeutschland. Mainz, 1973. 180 s.

Straume E. Glaser mit Fadenauflage aus norwegischen Grabern des 5. und 6. Jahrhunderts n. Chr. // Bericht der Romisch-Germaniscen Rjmmission. 2011. Band 92. S. 382-455.

REFERENCES

Armatynskaja O.V. Ust'-Sarapul'skij mogil'nik [The Ust'-Sarapul burial] // Priural'e v drevnosti i srednie veka / Otv. red. A.A. Tronin. Ustinov: Udmurt. un-t, 1986. S. 26-46.

Ahmedov I.R., Belocerkovskaja I.V. Veshhevye kompleksy mogil'nika Zarech'e 4 [Burial complexes of Zarechye 4 burial ground] // Arheologicheskie pamjatniki Okskogo bassejna. Rjazan', 1996. [Jelektronnyj resurs]: http://www.nuralis.ru/3345-page=05.htm

Bezuglov S.I. Pozdnesarmatskie mechi (po materialam Podon'ja) [Late Sarmatian swords (on materials of the Don region)] // Sarmaty i ih sosedi na Donu. Materialy i issledovanija po arheologii Dona. Vyp. 1 / Otv. red. Y.K. Guguev. Rostov-na-Donu: Terra, 2000. S. 169-193.

Vasjutkin S.M., Kalinin V.K. Novo-Sasykul'skij mogil'nik [The Novo-Sasykul' burial] // Arheologicheskie raboty v nizov'jah Beloj / Otv. red. A.H. Pshenichnjuk. Ufa: BFAN SSSR, 1986. S. 95-122.

Vasjutkin S.M., Ostanina T.I. Staro-Kabanovskij mogil'nik – pamjatnik mazuninskoj kul'tury v severnoj Bashkirii [The Staro-Kabanovo burial – a monument of the Mazunino Culture in northern Bashkiria] // Voprosy istorii i kul'tury Udmurtii / Nauch. red. T.I. Ostanina. Ustinov: Udmurtija, 1986. S. 64-125.

Volkov S.R. Vooruzhenie naselenija Verhnego Prikam'ja vo 2-j polovine I tys. n.je. (po materialam mogil'nikov) [The weaponry of the population of the Upper Kama area in the 2nd half of the I millennium AD (based on burials)]. Diss. … kand. ist. nauk. Izhevsk, 1995. 241 s. / Arhiv IIiKNP UdGU. F. 4/1. D. 44.

Vostochnaja Evropa v seredine I tysjacheletija n.je. [Eastern Europe in the middle of the I millennium AD] (Ranneslavjanskij mir. Vyp. 9). / Otv. red. I.O. Gavrituhin, A.M. Oblomskij. M.: IA RAN, 2007. 430 s.

Gening V.F. Mazuninskaja kul'tura v Srednem Prikam'e [The Mazunino culture in the Middle Kama // Pamjatniki mazuninskoj kul'tury. (VAU. Vyp. 7) / Otv. red. A.F. Medvedev. Izhevsk, Sverdlovsk: UrGU, 1967. S. 7-84.

Gening V.F. Izhevskij mogil'nik IV-V vv. [Izhevsk burial of the IV-V centuries] // Pamjatniki mazuninskoj kul'tury. (VAU. Vyp. 7) / Otv. red. A.F. Medvedev. Izhevsk, Sverdlovsk: UrGU, 1967a. S. 123-140.

Gening V.F. Turaevskij mogil'nik V v. n.je. (zahoronenie voenachal'nikov) [Turayevo burial of the V century (warriors chiefs' burial)] // Iz arheologii Volgo-Kam'ja / Red. kol. A.H. Halikov, R.G. Muhamedova, P.N. Starostin. Kazan': Kazanskij filial AN SSSR, 1976. S. 55-108.

Goldina R.D. Lomovatovskaja kul'tura v Verhnem Prikam'e [The Lomovatovo culture in the Upper Kama]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1985. 280 s.

Goldina R.D. Issledovanija kurgannoj chasti Brodovskogo mogil'nika [Researches of the barrow part of the Brody burial] // Priural'e v drevnosti i srednie veka / Otv. red. A.A. Tronin. Ustinov: Udmurt. un-t, 1986. S. 47-98.

Goldina R.D. Tarasovskij mogil'nik I-V vv. na Srednej Kame [Tarasovo burial of the I-V century AD in the Middle Kama]. T. II. Izhevsk: Izd-vo «Udmurtskij universitet», 2003. 721 s.

Goldina R.D., Vodolago N.V. Mogil'niki nevolinskoj kul'tury v Priural'e [Burials of the Nevolino Culture in CisUrals]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1990. 175 s.

Goldina R.D., Bernc V.A. Turaevskij I mogil'nik – unikal'nyj pamjatnik jepohi velikogo pereselenija narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaja chast') [Turayevo I burial is an unique monument of the Great Migration in the Middle Kama (the burial ground section)]. Izhevsk: Izd-vo «Udm. un-t», 2010. 499 s.

Grishakov V.V. Hronologija mordovskih drevnostej III-IV vv. Verhnego Posur'ja i Primokshan'ja [Chronology of Mordovia's antiquities of III-IV centuries the Upper Posurye and the Moksha river area] // Penzenskij arheologicheskij sbornik. / Otv. red. V.V. Stavickij. Penza: Penzenskij gos. kraeved. muzej, 2008. Vyp. 2. S. 82-137.

Gushhina I.I., Zaseckaja I.P. «Zolotoe kladbishhe» Rimskoj jepohi v Prikuban'e ["Golden Cemetery" of Roman era in Kuban region]. SPb.: Farn, 1994. 172 s.

Dmitriev A.V. Pogrebenija vsadnikov i boevyh konej v mogil'nike jepohi pereselenija narodov na r. Djurso bliz Novorossijska [Burials of riders and war horses in a necropolis of the Great Migration on the river Durso near Novorossiysk] // SA. 1979. №4. S. 212-231.

Zav'jalov V.I., Rozanova L.S., Terehova N.N. Istorija kuznechnogo remesla finno-ugorskih narodov Povolzh'ja i Predural'ja: K probleme jetnokul'turnyh vzaimodejstvij [History of Finno-Ugric blacksmith craftsmanship of the Volga and Ural region: On the problem of ethno-cultural interactions]. M.: Znak, 2009 264 s.

Zaseckaja I.P., Kazanskij M.M., Ahmedov I.R., Minasjan R.S. Morskoj Chulek: Pogrebenija znati iz Priazov'ja i ih mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ja v postgunnskuju jepohu [Morskoy Chulek: Nobility burials of the Azov region and their place in the history of tribes in the Northern Black Sea area during the Post Hun era]. SPb.: Izd-vo Gos. Jermitazha, 2007. 212 s.

Zaseckaja I.P. Kultura kochevnikov yuzhnorusskix stepej v gunnskuyu epoxu (konec IV – V vv.) [Nomadic culture of the south Russian steppelands: late fourth and the fifth centuries AD]. SPb.: AO «Ellips Ltd», 1994. 224 s.

Zykov A.P. Ob etnokulturnoj situacii v srednem prikame v epoxu velikogo pereseleniya narodov [The ethnic and cultural situation in the middle Kama region in the Great migration period] // UAV. 2011. Vyp. 11. S. 66-80.

Ivanov A.G. Novye materialy po rannej date polomskoj kul'tury: kurgannaja chast' Varninskogo mogil'nika [New materials on the early date of the Polom culture: the barrow section of Varnino burial] // Permskij mir v rannem srednevekov'e / Otv. red. A.G. Ivanov. Izhevsk: IIJaL UrO RAN, 1999. S. 6-52.

Kazanskij M.M. «Vozhdeskie» pogrebenija gunnskogo vremeni s mechami ["Leaders" Hun epoch burials with swords] // Kraeugol'nyj kamen'. Arheologija, istorija, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nyh stran. T. 1 / Red. E.N. Nosov, S.V. Beleckij. M: «Lomonosov», 2010. S. 307-320.

Kazanskij M.M. O proishozhdenii skramasaksa [On the origin of Skramasax] // Stratum plus. 2012. №5. S. 111-124.

Kirpichnikov A.N. Drevnerusskoe oruzhie [Old Russian weapons]. Vyp. 2. Kop'ja, sulicy, boevye topory, bulavy, kisteni. IX-XIII vv. M., L.: Nauka, 1966. 181 s.

Korobov D.S. Social'naja organizacija alan Severnogo Kavkaza v IV-IX vv. [Social organization of Alan's of North Caucasus in IV-IX centuries]. SPb.: Aletejja, 2003. 380 s.

Krasnov Ju.A. Bezvodninskij mogil'nik (K istorii Gor'kovskogo Povolzh'ja v jepohu srednevekov'ja) [Bezvodnino burial ground (to the History of Gorkov Volga region in the Middle Ages)]. M.: Nauka, 1980. 224 s.

Leshhinskaja N.A. Vjatskij kraj v p'janoborskuju jepohu (po materialam pogrebal'nyh pamjatnikov I-V vv. n.je.) [The Vyatka region in Pyany Bor era (on funerary sites materials of I-V centuries)]. Izhevsk, 2014. 472 s.

Matveev R.V. Vooruzhenie naselenija Volgo-Vjatskogo mezhdurech'ja v konce II – IV vv. n.je. [The weaponry of population of the Volga-Vyatka region at the end of II – IV centuries]. Avtoref. diss. … kand ist. nauk. Kazan', 2013. 27 s.

Ostanina T.I. Nivskij mogil'nik III-IV vv. [The Nivsky burial ground of the III-IV centuries] // Materialy k rannej istorii naselenija Udmurtii / Otv. red. V.A. Semenov. Izhevsk: Udmurtija, 1978. S. 92-117.

Ostanina T.I. Pokrovskij mogil'nik IV-V vv.: Katalog arheologicheskoj kollekcii [The Pokrovsk burial ground of IV-V centuries: Catalogue of an archaeological collection]. Izhevsk: Udmurtija, 1992. 94 s.

Ostanina T.I. Naselenie Srednego Prikam'ja v III-V vv. [The population of the Middle Kama area in III-V centuries]. Izhevsk: Udmurtskij IIJaL UrO RAN, 1997. 327 s.

Ostanina T.I. Kuzebaevskoe gorodishhe. IV-V, VII vv. [Kuzebaevo forthill. IV-V, VII centuries] Izhevsk: Izd. dom «Udmurtskij universitet», 2002. 112 s.

Oshibkina S.V. Vjatskie drevnosti: mogil'nik Tjum-Tjum [Antiquities of Vyaka: the Tyum-Tyum]. Materialy ohrannyh issledovanij. Tom 13. M.: IA RAN, 2010. 212 s.

Perevoshhikov S.E., Malyh O.O. K voprosu o proishozhdenii mechej Tarasovskogo mogil'nika (po dannym metallografii) [On the origin of swords of the Tarasovo burial ground (on metallography data)] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Vyp. 61. 2014. №22(351). S. 18-25.

Pshenichnjuk A.H. Shipovskij kompleks pamjatnikov (IV v. do n.je. – III v. n.je.) [The Shipovo complex of monuments (IV c. BC – III c. AD)] // Drevnosti Juzhnogo Urala / Red. kol. R.G. Kuzeev, N.A. Mazhitov, A.H. Pshenichnjuk. Ufa: BFAN SSSR, 1976. S. 35-131.

Runich A.P. Zahoronenie vozhdja jepohi rannego srednevekov'ja iz Kislovodskoj kotloviny [Chief's burial of the early Middle Ages from the Kislovodsk Hollow] // SA. 1976. №3. S. 256-266.

Runich A.P. Rannesrednevekovye sklepy Pjatigor'ja [Early medieval crypts of Pyatigorje] // SA. 1979. №4. S. 232-247.

Semenov V.A. Varninskij mogil'nik [The Varnino burial ground] // Novyj pamjatnik polomskoj kul'tury / Otv. red. V.F. Gening. Izhevsk: NII pri SM UASSR 1980. S. 5-135.

Simonenko A.V. Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ja [Sarmatian horsemen of the Northern Black Sea region]. SPb: Nestor-Istorija, 2010. 327 s.

Starostin P.N. Narmonskij mogil'nik [The Narmon burial ground]. Kazan': Institut istorii. RIC «Shkola», 2002. 64 s.

Starostin P.N. Rozhdestvenskij V mogil'nik [The Rozhdestvensky V burial ground]. Kazan': Institut istorii AN RT, 2009. 144 s.

Tishkin A.A., Matrenin S.S. Pojasnye bljahi sjan'bijsko-zhuzhanskogo vremeni iz mogil'nika Stepushka I v Central'nom Altae [Belt buckles of Syanbi-Zhuzhan's period from Stepushka I burial ground in Central Altai] // Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija, politologija. 2013. № 4/1(80). S. 204-213.

Tishkin A.A., Matrenin S.S., Kungurov A.L. Nabornye pojasa kochevnikov Altaja jepohi Velik-

ogo pereselenija narodov iz pamjatnika Stepushka I [Patterned belts of Altai nomads of the Great Migration from Stepushka I] // RA. 2015. №1. S. 121-135.

Hazanov A.M. Ocherki voennogo dela sarmatov [Essays on military affairs of the Sarmatians]. Izd-ie 2-e. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2008. 294 s.

Halikov A.H. Ocherki istorii Marijskogo kraja v jepohu zheleza [Essays on the History of Mari in the Iron Age] // Trudy MAJe. T. II. Joshkar-Ola: Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. S. 7-187.

Chernyh E.M., Bernc V.A., Perevozchikova S.A. Otkrytie i issledovanie novogo mogil'nika IV-V vv. na juge Udmurtii [Discovery and investigation of a new burial ground of IV-V centuries in south Udmurtia] // Arheologicheskoe nasledie kak otrazhenie istoricheskogo opyta vzaimodejstvija cheloveka, prirody, obshhestva. XIII Baderovskie chtenija: Materialy Vseros. nauch. konf. Izhevsk: Udmurt. un-t, 2010. S. 207-211.

Shhit i mech Otchizny. Oruzhie Urala s drevnejshih vremen do nashih dnej [Sword and Shield of the Fatherland. Weapons of the Urals from ancient times to the present day]: nauch.-populjarnoe izdanie / Gl. red. A.V. Speranskij. Ekaterinburg: OOO «Izdatel'stvo Raritet», 2008. 466 s.